

БОЛЬШОЙ, принципиальный разговор, состоявшийся на днях в Кремле, вызвал горячие отклики не только среди работников искусств, но и среди рабочих, инженеров, служащих,

студентов — всех тех, кому дороги судьбы советской литературы и искусства.

Наши зрители, читатели, слушатели — строгие и взыскательные ценители. Всем сердцем принимают они хорошие, яркие художественные произведения нашего вре-

мени. И вместе с тем они не прощают малейшей фальши в творчестве как молодых художников, так и известных мастеров.

Сегодня мы публикуем некоторые из полученных нами откликов.

ВСТРЕЧИ руководителей партии и правительства с представителями нашей художественной интеллигенции, ставшие за последние годы прекрасной формой партийного руководства искусством, имеют не только особое значение для настоящего. Не в меньшей степени они важны для будущего: ведь на этих встречах идет и честный, прямой разговор с творческой молодежью, которой суждено унаследовать все богатство отечественной культуры.

Вместе с мастерами старших поколений молодым художникам предстоит сейчас активно участвовать в решении многогранных, трудных и захватывающе интересных дел в искусстве, о которых шла речь на совещании в Кремле. Во многом их руками, руками молодых, должно создаваться то боевое революционное искусство, о котором говорил в своей мудрой, содержательной речи Н. С. Хрущев.

Молодые творческие работники не могут пожаловаться на недостаток внимания, им и впрямь «ведзе у нас дорога». Сборники хороших поэтов не залеживаются, раскупаются почти мгновенно. Ни одна подлинно новаторская пьеса молодого талантливого драматурга не остается не оцененной. Каждый удачный фильм, спектакль, роль, в которых дебютировали молодой режиссер или актер, сразу же становятся достоянием всех: наши печать, радио и телевидение проявляют в этом отношении вполне понятное и похвальное усердие. Но все ли сделано молодыми художниками, чтобы оправдать выданные им векселя на полное доверие, признание?

Я вспоминаю людей, ставших для всего мира символом нового поколения Советской России. Мне посчастливилось увидеть и услышать их на XXII съезде партии. Назову только два имени — Герман Титов и Александр Гиталов... Один — представитель самой новейшей профессии — космонавт, «небожитель». Другой — прославленный механизатор, который, наверное, ведет свою родословную от древних пахарей... Какие это удивительно многогранные, неисчерпаемые характеры! Кажется, появившись человек, который только стенографировал бы день за днем хотя бы одну неделю их жизни, и мы получили бы ценнейший человеческий материал, который составил бы честь любой пьесе.

Возникает естественный вопрос: а где же пьесы с таким вот советским положительным героем? Не происходит ли в нашей драматургии сознательного самоограничения там, где речь идет о героическом, о героике? Нет ли у нас известного «обмеления» гражданского течения в искусстве? Не появилось ли у нас недоверие к яркому, смелому, я бы сказал, красивому, романтическому слову, в котором зазвучали бы самые высокие струны души? И мне думается, что как раз молодым драматургам, молодым режиссерам и актерам должна быть близка тема героики, молодым сердцам — созвучен высокий романтический настрой.

Говорят, что «громкие слова» дискредитированы их непомерным употреблением в годы культа личности, произошла их «девальвация», они обесценились и т. д. Да, если бы речь шла только о словах, возможно, было бы так. Но ведь за словами стоят наши идеалы. А мы все твердо знаем, что никому и никогда не удастся дискредитировать эти идеалы.

Гражданственность, открытая, всегда идущая в атаку, — традиция русского искусства, ставшая неотъемлемой частью социалистического реализма. Это несомненно, как несомненно и то, что, если мы хотим воспитать из наших юношей и девушек

настоящих людей, им надо дать настоящие образцы для подражания, героев высокого душевного настроения, кристальной чистоты, негибаемой воли, больших дел.

Да, всем надоели железобетонные бодряки периода «бесконфликтной драматургии». И вот мы шарахнулись в другую крайность: в пьесах стали смаковаться узколичные конфликты. Появилась опасность, что мы утонем в мелочах, погрязнем в случайностях. Почему же драматурги обходят стороной настоящую героiku? Почему не ищут подлинных, типических героев наших дней, которые строят новое коммунистическое общество, творят историю?

Почему вообще в последнее время театр занимается гораздо больше оправданием и анализом личной неустойчивости, взаимных измен и расхождений (кстати, происходящих большей частью безболезненно) и прочих семейных неурядиц, нежели утверждением верности, преданности, самоотверженности, чистоты?

Конечно, каждое поколение открывает мир по-своему. Но становится обидно, когда видишь, как свое творческое открытие мира у иных молодых художников подменяется бегством от народной жизни, фокусничеством и манерничеством, спекуляцией на низменных сторонах человеческого существования.

Я уверен, что, если бы довелось выставить наших доморожденных горе-абстракционистов где-нибудь в Эрмитаже или в Русском музее, рядом с подлинными шедеврами, никто бы не досмотрел до конца абстракционистскую экспозицию: ведь мы не раз убеждались в этом. Вспомним, когда у нас в Ленинграде были открыты выставки зарубежных художников-абстракционистов, люди стояли у

абстрактных полотен с таким видом, как будто их обманули. Они не могли поверить в серьезность намерений художников. Больше всего их удивляла античеловечность этого псевдоискусства. У нас в стране привыкли относиться к искусству с благоговейным уважением. Уважением даже к самому слову «искусство». А здесь неизвестно было, где кончается живопись и где начинается мазня.

Часто радует нас, читателей, молодая советская поэзия. Но наряду с гражданственностью стихов молодых порой бросается в глаза и другое: какая-то захватывающая неоправданная откровенность, стремление порой раздеться, да так, чтобы пококетничать «в чем мать родила» на виду у всего земного шара. Не знаю, как остальным, но мне стыдно читать «постельную лирику» иных молодых поэтов. Это — оскудение поэзии. Неужели при этом у самого поэта не возникает щемящей неловкости? Неужели ему непонятно, что это проявление безответственности и неуважения ко всем нам, читателям? Неуважения, против которого сурово ополчались во все времена властители дум нашей интеллигенции и которое порывает с благородством нашей поэзии?

Я не хочу поучать молодых художников, не хочу и брюзжать на них. Мне просто хочется посоветоваться с ними, а главное, убедиться: то, что меня тревожит, — лишь временное, наносное, случайное.

Я заговорил здесь о традициях. Да, нельзя строить на пустом месте, нельзя пропагандировать бесчеловечное и безобразное. Очевидно, в бедах нашей творческой молодежи вина лежит и на нас. Ведь «болезнями», которыми «болеют» сейчас они, когда-то «болели» и мы. Вспомним беско-

нечные споры вокруг «нового театра» в 20-х годах. Споры отшумели нашу глотку, а выжили Реализм, Гражданственность, Служение народу.

«Переболев» сами, мы, к сожалению, не сумели предостеречь нашу смену. Очевидно, плохо, односторонне, догматически преподавали ей историю наших искусств, в частности историю советского театра. Наверное, не сумели заставить ее сердцем принять те традиции, без которых нельзя жить современному искусству.

Советскому театру сегодня, как никогда, нужны гражданственность, утверждение новых героев, яркость, страстность, порыв, романтичность.

А как обстоит подчас дело с репертуаром наших театров? Кого играть молодым? Меланхолических мальчиков, которые скептически ухмыляются, стоя в сторонке? Или неудачников влюбленных? Современному театру необходим прежде всего современный герой. И за высшее счастье актер посчитал бы возможность прочесть, наконец, и сыграть роль молодого человека 60-х годов, человека нового времени, сына первого поколения коммунистического века, о котором мечтал Ленин. Я не знаю, где бы могло происходить действие этой пьесы, посвященной истинному сыну века, — в космосе, на целине или в Ленинграде... Я только знаю, что по своей душевной щедрости, по своим свершениям и мечтам это должен быть герой, которому позавидовали бы все предшествующие драматурги мира.

Мои молодые друзья по искусству должны увидеть и показать всем такого героя. В этом — их призвание и предназначение.

В. ЧЕСТНОКОВ,
народный артист СССР

НА СЦЕНУ — ГЕРОИКУ БУДНЕЙ!